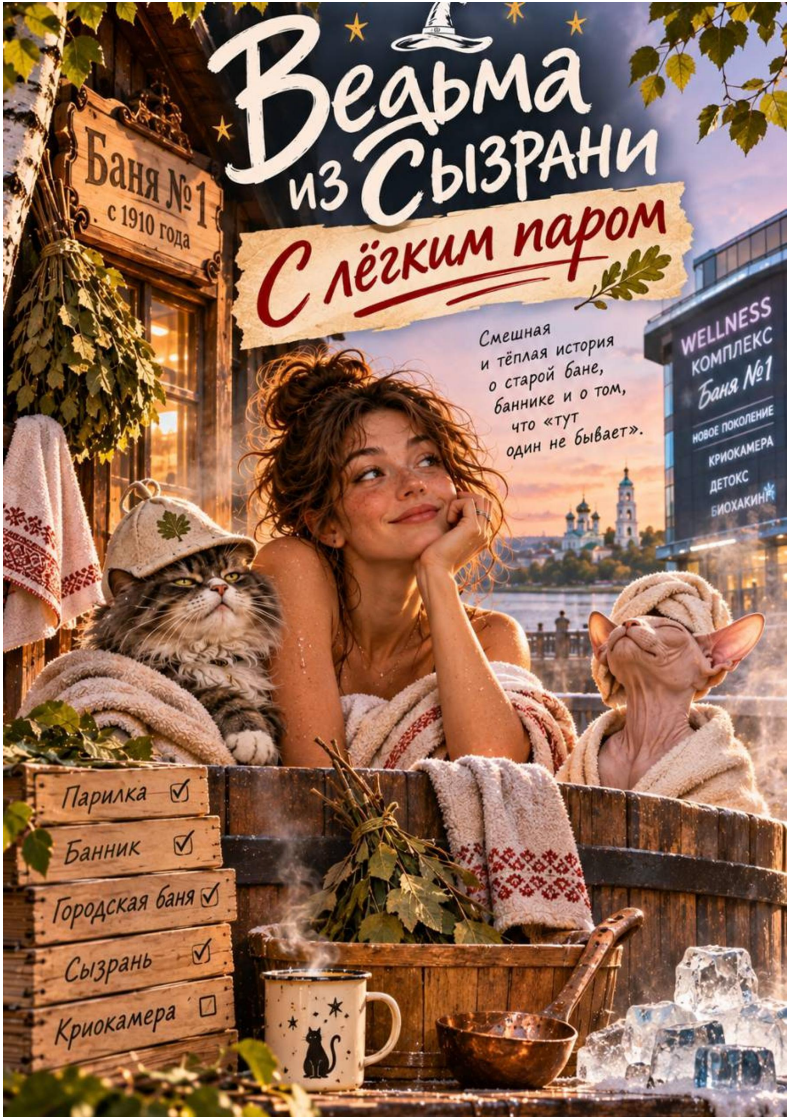

Ведьма из Сызрани
С лёгким паром
Баня №1
с 1910 года
Смешная и тёплая история о старой бане, баннике и о том, что «тут один не бывает».
WELLNESS КОМПЛЕКС
Баня №1
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ
КРИОКАМЕРА
ДЕТОКС
БИОХАКИНГ
Парилка ☑
Банник ☑
Городская баня ☑
Сызрань ☑
Криокамера ☐

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. С легким паром

https://litres.ru/74708364
SelfPub; 2026

Аннотация

Лето 2032 года. Самарский биохакер Вадим Стальнов покупает «Баню 1», которой сто двадцать два года, и строит на её месте велнес-комплекс с криокамерой вместо парилки. «Будущее начинается с холода», — обещает он, сидя по шею в бочке со льдом.

Михеич с друзьями остаётся без субботней бани, а банник Парамон Евлампиевич — без дома. Выселенный банник начинает остывать, и посреди июльской жары во всей Сызрани из кранов идёт ледяная вода.

Сфинкс Луи открывает для себя парилку, тысяча восемьсот городских бань затапливаются одним вечером, а кот Модест, двести лет не одобрявший воду, понимает, что войти в пар придётся именно ему. Ведь первым паром банника будят те, кто ему больше всех должен.

Смешная и тёплая история о холоде, которым люди спасаются от боли, о старой бане и о том, что «тут один не бывает».

Содержание

Глава 1. Холодный душ 5
Глава 2. Баня номер один 12
Глава 3. Нирвана 20
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Милана Панова
Ведьма из Сызрани. С легким паром

Ведьма из Сызрани. С лёгким паром

Серия «Ведьма из Сызрани». Книга тринадцатая

Глава 1. Холодный душ

В июне две тысячи тридцать второго года к Василисе пришли снимать порчу с бойлера.

Клиентку звали Олеся Викторовна. Сорок два года, учитель биологии, очки на цепочке, сумка с тетрадями на проверку. Она села на табуретку, поставила сумку на пол и сказала:

— Он на меня злится.

— Кто? — спросила Василиса.

— Бойлер. — Олеся Викторовна поправила очки. — «Термекс». Восемьдесят литров. Шесть лет. — Пауза. — Я понимаю, как это звучит. Я биолог. Я в такое не верю. — Ещё пауза. — Но он злится. Только на меня.

— Как это?

— Муж моется — горячая. Сын моется — горячая. Свекровь приезжала — горячая. — Олеся Викторовна поджала губы. — Я встаю под душ — ледяная. Как из проруби. Ровно на мне. Выхожу — опять горячая. Муж проверял. Три раза.

Модест на печке открыл один глаз.

— Вода, — сказал он с отвращением. — Опять вода. Двести двадцать два года. Сорок лет нормальные люди приходили — с коровами, со сглазом, с мужьями. А теперь — с водой.

Олеся Викторовна, разумеется, услышала «мяу».

Василиса посмотрела на нитки.

От Олеси Викторовны к бойлеру шла нитка. Серая. Колючая. Натянутая. А от бойлера — к ванной. А от ванной — к ней же. Круг. И в круге — Василиса присмотрелась — что-то сидело. Маленькое. Мокрое. Обиженное. Как воробей под дождём.

— Олеся Викторовна, — сказала Василиса. — А вы в ванной когда последний раз — просто так стояли? Не быстро. Не перед работой. Не с телефоном.

Олеся Викторовна моргнула.

— В смысле — просто так?

— Ну, горячей водой. Минут двадцать. Ни о чём не думая.

Олеся Викторовна думала долго.

— Году в двадцать шестом, — сказала она наконец. — В отпуске. В Анапе. — Пауза. — А дома — пять минут. Утром. Пока чайник. Вечером — пока сын уроки. — Ещё пауза. — У меня сто двадцать детей в шести параллелях. Когда мне стоять?

— А мужу?

— Муж — полчаса. С песнями.

— И у мужа — горячая.

Олеся Викторовна открыла рот. Закрыла.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорила она, — что бойлер обижается. Что я его — не использую?

— Я хочу сказать, — сказала Василиса, — что в каждой ванной кто-то живёт. Маленький. Ему нужно, чтобы в его

воде — отдыхали. А не торопились. — Пауза. — Вот обряд. Сегодня вечером. Двадцать минут. Горячая вода. Дверь на щеколду. Телефон — в коридоре. — Пауза. — И скажите вслух: «Спасибо за тепло». Можно шёпотом.

— Кому скажите?

— Ему. Бойлеру. Или тому, кто в нём.

Олеся Викторовна посмотрела на неё поверх очков. Долго. Как на ученика, который сдал реферат, списанный из интернета.

— Я биолог, — сказала она.

— Я знаю, — сказала Василиса. — Попробуйте.

Олеся Викторовна ушла. Калитка пропела ей вслед короткую, мокрую, булькающую ноту. Василиса никогда раньше не слышала, чтобы калитка булькала.

Василиса записала в Гроссбух: «Олеся В., биолог. Бойлер ледяной — только на ней. Не отдыхает. 20 минут, щеколда, спасибо. Оплата: обещала гербарий для Гаши».

Через два дня Олеся Викторовна позвонила.

— Горячая, — сказала она. Без «здравствуйте». — Двадцать минут. Я… я там уснула. Стоя. — Пауза. — Муж стучал. Я не открыла. — Ещё пауза. — Василиса Андреевна. Я сказала «спасибо». Вслух. — Пауза. — И мне ответили.

— Что ответили?

— «На здоровье», — сказала Олеся Викторовна. Голос у неё дрожал. — Из слива. Булькнуло. Я биолог, Василиса Андреевна. Я двадцать лет биолог. — Пауза. — Гербарий при-

несу в субботу.

Михеич пришёл в тот же вечер. С веником.

Веник был берёзовый. Свежий. Пахучий. Связанный аккуратно, по-мастерски — тонкие ветки внутри, крупные снаружи, ручка обмотана бечёвкой.

Михеич положил его на стол. Сел на лавку. Снял кепку.

— Закрыли, — сказал он.

— Что закрыли?

— Баню. — Михеич смотрел на веник. — Номер один. На Ульяновской. — Пауза. — С сегодняшнего дня. Табличку повесили. «Закрыто на реконструкцию». И замок. Амбарный. Новый.

Василиса знала «Баню номер один». Все в Сызрани знали. Кирпичная. Двухэтажная. С высокой трубой. С надписью над входом — выпуклыми кирпичными буквами: «БАНИ. 1910». Мужское отделение — по средам и субботам. Женское — по четвергам и воскресеньям. Пиво в буфете. Простыни — серые, застиранные, мягкие, как облако.

— Я туда с пятьдесят восьмого хожу, — сказал Михеич. — С отцом начинал. Каждую субботу. Семьдесят четыре года. — Пауза. — Ни одной не пропустил. Кроме армии. В Кушке — бани не было. Там мы в арыке мылись.

— Михеич, а кто закрыл?

Михеич достал из кармана сложенный листок. Глянцевый. Цветной. Развернул.

На листке была картинка. Здание — стеклянное, белое,

гладкое, как айфон. Бассейн на крыше. Шезлонги. Девушки в белых халатах. Мужчина в белых плавках — худой, загорелый, с идеальным прессом — стоит по грудь в бочке со льдом и улыбается. Наверху — золотыми буквами:

«НИРВАНА. Велнес-квартал нового поколения. Криотерапия. Флоатинг. Ледяные купели. Биохакинг. Открытие — август 2032».

И внизу, мелко:

«На месте исторических бань. Девелопер — ГК „Стальнов“, Самара. Будущее начинается с холода».

— С холода, — повторил Михеич. — Ты понимаешь? Баня. Сто двадцать два года. А будущее — с холода.

Модест на печке медленно поднялся. Подошёл к краю. Посмотрел на листок.

— Мужик в бочке со льдом, — сказал он. — Добровольно. — Пауза. — Двести двадцать два года. Я в восемьсот шестьдесят восьмом в Волгу упал. С парома. В ноябре. — Кот помолчал. — Я потом три недели на печке лежал. И все три недели думал: вот это — самое страшное, что может случиться с живым существом. — Ещё пауза. — А он — улыбается.

— А парилку куда? — спросила Василиса.

— Сносят, — сказал Михеич. — Всю. Печь — каменку — выламывают. Полки — на дрова. — Он помолчал. — Я ходил. Сегодня. Смотреть. Через забор. Там рабочие. С отбойными молотками. — Он посмотрел на веник. — Я им го-

ворю: «Ребята, там же Парамон». А они: «Какой Парамон, дед? Иди домой».

— Кто такой Парамон?

Михеич долго молчал. Крутил кепку в руках.

— Банщик, — сказал он наконец. — Ну… не банщик. Банщица у нас — тётя Клава была, потом её дочка. — Пауза. — А Парамон — он в парилке. В третий пар. — Он посмотрел на Василису. — Ты ведьма. Ты знаешь, про что я.

— Банник?

— Его так не называют, — сказал Михеич. Строго. — Неуважительно. — Пауза. — Парамон Евлампиевич. Мне отец сказал. В пятьдесят восьмом. «Сынок, в третий пар — не ходи. Третий пар — Парамона Евлампиевича. Оставь ему веник и шайку воды. И скажи спасибо». — Михеич помолчал. — Я семьдесят четыре года оставлял. Каждую субботу. Веник. Шайку. Спасибо.

Он подвинул веник к Василисе. Через стол.

— Это — ему, — сказал Михеич. — Сегодня суббота. Последняя. — Пауза. — Я его не донёс. Там замок. Амбарный. — Он сглотнул. — Отнеси, ведьма. Ты пройдёшь. Тебе калитки поют.

Из-под печки высунулся Фрол Евсеич. Посмотрел на веник. На Михеича. На листок с мужиком в бочке.

— Парамон, — сказал домовой. Медленно. — Парамошка. Банный. С Ульяновской. — Пауза. — Я его знаю, девка. Двести лет. Он к нам на Святки приходил. При Агафье. В

печке погреться. — Фрол Евсеич помолчал. — Он горячий. Красный весь. Борода мокрая. Ругается — как пароход гудит. — Ещё пауза. — Если у него каменку выломают — он остынет.

— И что будет?

Фрол Евсеич посмотрел на неё. Круглыми глазами.

— А ты потрогай, — сказал он, — воду в кране.

Василиса встала. Подошла к раковине. Открыла горячую. Подождала.

Вода текла. Ровно. Сильно.

Ледяная.

Василиса подержала руку под струёй. Секунду. Две. Пальцы заломило.

На кухне было тихо. Только вода шумела.

А из-под раковины, из сифона, из глубины трубы — Василиса услышала, все услышали — донеслось что-то. Далёкое. Глухое. Хриплое. Как пароходный гудок за три километра в тумане.

Ругательство.

Длинное. Витиеватое. Старинное.

Михеич надел кепку.

— Это он, — сказал он. — Слышишь? Это Парамон Евлампиевич. — Пауза. — Он всегда так. Когда кто-то в третий пар без спросу лез.

Глава 2. Баня номер один

Замок на воротах был амбарный. Новый. Блестящий. С наклейкой «Сделано в Китае».

Василиса постояла перед ним. Подумала. Потом положила ладонь на железные ворота — старые, кованые, с завитками, выкрашенные зелёной краской в несколько слоёв.

— Пусти, — сказала она. Тихо. — Я от Михеича. С веником.

Ворота подумали. Скрипнули.

Замок щёлкнул. Сам. И повис на дужке. Открытый.

Модест в сумке сказал:

— Китайский. Я так и думал. Они наших ворот не понимают.

Двор бани был завален мусором. Битый кафель. Старые трубы. Деревянные лавки — сваленные в кучу, как дрова. Двери кабинок. Зеркало в деревянной раме — треснутое. Табличка «ПИВО — 0,5 л» с нарисованной кружкой.

Посреди двора стоял синий вагончик-бытовка. На двери — «ГК „Стальнов“. Посторонним вход запрещён». Света не было. Рабочие ушли.

Василиса вошла в здание.

Внутри пахло. Сначала — пылью и цементом. Потом, глубже, — сыростью. Берёзой. Мылом. Сто двадцатью двумя годами пара.

Предбанник был разорён. Шкафчики вырваны. Плитка сбита. На стене — светлые прямоугольники, где висели правила. Василиса знала их наизусть, Егор рассказывал: «В парилку в головном уборе. Веником не хлестать соседа без спросу. В третий пар — не входить».

Мыльная — тоже разорена. Краны выкручены. Каменные лавки — расколоты.

А парилка была ещё цела.

Дверь — деревянная, тяжёлая, почерневшая — висела на одной петле. За дверью — темно.

Василиса толкнула её.

Внутри — ступенчатые полки. Липовые. Тёмные. Отполированные тысячами спин до блеска. В углу — каменка. Огромная. Кирпичная. С чугунной дверцей. Холодная.

На каменке — Василиса присмотрелась — стояла жестяная шайка. Пустая. И лежал веник. Старый. Засохший. Облетевший до прутьев.

Прошлой субботы.

Михеичев.

— Парамон Евлампиевич, — сказала Василиса. — Здравствуйте. Я — Василиса. Агафьина внучка. — Пауза. — Михеич веник передал.

Тишина.

Холодно. Темно. Где-то капала вода.

Василиса повернула ручку настройки.

И увидела его.

На самой верхней полке. Под потолком. Там, где в хорошей бане жарче всего, где сидят только самые крепкие, — сидел кто-то. Сгорбившись. Обхватив колени руками.

Маленький. Как ребёнок лет десяти. Но старый. Очень. Голый. Красный — нет, уже не красный. Розовый. Бледно-розовый, как вода, в которой постирали красную рубашку. Борода — длинная, до живота, мокрая, слипшаяся сосульками. Волосы — мокрые. С бороды капало. Кап. Кап. Кап.

И капли — Василиса увидела — падали на полку и застывали. Льдинками.

— Агафьина, — сказал банник. Голос был — хриплый, низкий, гулкий, как гудок парохода. Только тихий. Очень тихий. — Слыхал. Михеич говорил. — Пауза. — Веник принесла?

— Принесла.

— Клади. — Он не пошевелился. — На каменку. И шайку налей. Из-под крана. — Пауза. — Только там вода — холодная. Всё равно налей. Порядок такой.

Василиса положила веник. Свежий, Михеичев, пахучий. Рядом со старым, облетевшим. Нашла в углу кран. Открыла. Вода пошла — ледяная, ржавая, рывками. Налила шайку.

Поставила на каменку.

Вода в шайке — Василиса видела — подёрнулась ледком. Сразу. В июне.

— Спасибо, — сказала Василиса. — Парамон Евлампие-

вич.

Банник поднял голову.

Лицо у него было — сморщенное, мокрое, с красным носом картошкой, с маленькими глазками под мокрыми бровями. Глазки были синие. Как у ребёнка. И злые. Как у ребёнка, которого обидели.

— Спасибо, — повторил он. — Вот. Семьдесят четыре года Михеич мне «спасибо» говорил. И отец его. И дед. — Пауза. — Сто двадцать два года. В этой бане. А до того — в той, что тут раньше стояла. Деревянной. Купца Шахова. А до того — в чёрной. На берегу. — Ещё пауза. — Триста одиннадцать лет, Агафьина. Я тут грел.

— Я знаю.

— Ничего ты не знаешь. — Он фыркнул. Из ноздрей пошёл пар. Слабый. — Знаешь, сколько тут людей отмылось? От работы. От горя. От войны. От тюрьмы. От свадьбы. — Пауза. — В сорок первом — мобилизованных отсюда провожали. В сорок пятом — тех, кто вернулся, — здесь отпаривали. Я их сам. Веником. Они плакали. На полке. А в мыльной — не плакали. — Он помолчал. — В парилке, Агафьина, мужики плачут. Больше нигде. Только тут. Потому что тут — не видно. Пот и слёзы — одинаково.

Он замолчал.

С бороды капало. Кап. Льдинка.

— Он пришёл в мае, — сказал банник. — Этот. Стальнов. — Пауза. — Худой. Как жердь. Глаза — как у мороженой

рыбы. В белом. Зашёл в парилку. Постоял. Сказал — «тут будет криокамера». — Банник сплюнул. Плевок замёрз на лету и звякнул о полок. — Криокамера. Это где минус сто десять. Он мне сам рассказал. Не мне — своему помощнику. А я слышал. — Пауза. — Он сказал: «Тепло расслабляет. Расслабление — это слабость. Холод — это ресурс».

— Ресурс, — повторила Василиса.

— Ресурс, — сказал банник. С отвращением. — Я триста лет грею. А я — не ресурс. Я — слабость. — Пауза. — Ну ладно. Я — слабость. Пусть.

Он опустил голову на колени.

— Каменку в понедельник ломают, — сказал он. В колени. — Я видел план. На бумаге. Красным крестом. — Пауза. — Каменка — это сердце. Моё. Сломают — я не смогу. Греть. — Он помолчал. — Я уже не могу, Агафьина. Третий день холодно. Я сижу — и стыну. А когда я стыну — по всей Сызрани стынет.

— Вода в кранах.

— Вода в кранах, — согласился Парамон. — Это я. Не нарочно. — Пауза. — Мы ведь, банные, все через воду связаны. В каждой ванной, в каждой душевой, в каждом бойлере — свой маленький сидит. Мой — родня. Племянники. Внучатые. — Он вытер бороду. Борода звякнула. — Когда я горячий — им тепло. Они греют. Когда я стыну — они стынут.

— А Олеся Викторовна?

Банник поднял голову. Синие глазки прищурились.

— Это которая биолог? — Он хмыкнул. — Это не я. Это её маленький обиделся. Сам. Шесть лет — ни одного «спасибо». — Пауза. — Ты его хорошо уговорила. Он мне рассказал. По трубам. Он теперь гордый. Двадцать минут — и «спасибо». Как у людей.

Модест вылез из сумки. Сел на нижний полок. Посмотрел вверх, на банника. Осторожно. Шерсть у него стояла дыбом — от сырости.

— Парамон, — сказал он. — Ты меня помнишь?

Банник прищурился.

— Кот, — сказал он. — Агафьин. — Пауза. — Помню. В пятьдесят девятом. На Агафьиной свадьбе. Я к ним в баню на Верхне-Кирпичной приходил — молодых парить. — Он вдруг ухмыльнулся. В бороду. — А ты в предбаннике сидел. На лавке. И шипел. Всю ночь. Боялся, что тебя — в воду.

— Я не боялся, — сказал Модест. — Я охранял.

— Охранял, — согласился банник. — С хвостом трубой. — Пауза. — Двести лет кот — а воды боится. Срам.

— Я не боюсь, — сказал Модест. — Я её не одобряю. Это разное.

Василиса присела на нижний полок. Рядом с Модестом. Полок был холодный. Как камень зимой.

— Парамон Евлампиевич, — сказала она. — Если каменку сломают — куда вы пойдёте?

— Никуда, — сказал банник. — Банные не ходят. Мы — при бане. Нет бани — нет нас. — Пауза. — Я тут остыну.

Совсем. Лягу на полок. Покроюсь инеем. — Он помолчал. — И по всей Сызрани — во всех ванных, во всех душевых, во всех бойлерах — маленькие тоже остынут. — Ещё пауза. — И будет у вас, Агафьина, вода холодная. Всегда. Как он хочет.

— Как будущее, — сказала Василиса. — Которое начинается с холода.

— Это он так говорит, — сказал банник. — Я плакат видел.

Тишина. Капала вода. Звякали льдинки.

Василиса думала.

— А если вас — перевезти? — спросила она. — В другую баню? У нас на Верхне-Кирпичной есть. Бабушкина. Деревянная. В саду. Там сейчас — дрова, но…

Банник посмотрел на неё. Долго.

— Агафьина, — сказал он. — У тебя дом есть?

— Есть.

— А если тебе скажут — переезжай. В другой. Хороший. Новый. С ремонтом. — Пауза. — Переедешь?

Василиса молчала.

— Вот, — сказал банник. И снова опустил голову на колени.

Модест посидел. Потом — осторожно, высоко поднимая лапы, брезгливо обходя лужицы — забрался по полкам. Наверх. Один. Под потолок. Где сидел банник.

Сел рядом. Не касаясь.

Банник покосился на него.

— Мокро тут, — сказал он. — Кот.

— Мокро, — согласился Модест. — Я не одобряю. — Пауза. — Но ты замёрз. А я тёплый. Сорок процентов жирности.

Он подвинулся. На сантиметр. Боком. К мокрому, ледяному, бледно-розовому старичку.

Банник замер.

Потом — медленно — разжал руки, которыми обхватывал колени. И положил ладонь — маленькую, мокрую, холодную — коту на спину.

Модест вздрогнул. Всем телом. Шерсть под мокрой рукой встала дыбом. Но он не ушёл.

— Ох ты, — сказал банник. Хрипло. — Тёплый. — Пауза. — Двести лет кот воды боится. А сам — тёплый.

— Я не боюсь, — сказал Модест сквозь зубы. — Я не одобряю.

Шайка на каменке — Василиса заметила — перестала покрываться ледком.

Совсем чуть-чуть. Но перестала.

Глава 3. Нирвана

Вадим Стальнов проводил презентацию в понедельник. В девять утра. Во дворе бани. Перед каменкой.

Каменку должны были ломать в десять.

Василиса пришла в половине девятого. С Михеичем. С Геннадием Петровичем. С Пыжиковым. С Кузьмичёвым и Гараевым — они пришли с петухом в корзинке, «на всякий случай». И с Егором — Егор был в форме, на посту, и делал вид, что просто проходит мимо.

Во дворе поставили шатёр. Белый. Под шатром — экран. Перед экраном — ряды стульев. Белых. Пластиковых. На стульях — человек сорок. Чиновники из мэрии. Журналисты «Сызрань-онлайн». Какие-то люди из Самары в одинаковых белых футболках с надписью «Холод — это ресурс».

А у экрана — бочка.

Деревянная. Большая. Полная воды. В воде плавал лёд. Кубиками. Глыбами. Пар от бочки не шёл — шёл холод. Видимый. Белый. Как от открытого морозильника.

Ровно в девять из бытовки вышел он.

Высокий. Худой. Очень. Как жердь, как сказал банник, — точнее не скажешь. Лет тридцати восьми. Загорелый ровным, искусственным загаром. Стриженный под ноль. В белых шортах. Босиком. Без футболки.

Пресс — шесть кубиков. Каждый — как нарисованный.

Руки — сухие, жилистые. Ни грамма лишнего. На запястье — часы. Чёрные. Умные. Пикающие.

Глаза — светло-серые. Почти белые. Спокойные. Холодные.

Как у мороженой рыбы. Банник и тут не ошибся.

— Доброе утро, Сызрань, — сказал Вадим Стальнов. Голос был ровный, приятный, хорошо поставленный. — Я — Вадим. Мне тридцать восемь лет. Я сплю четыре часа в сутки. Я не болел десять лет. Мой биологический возраст — двадцать шесть. — Пауза. — И я хочу, чтобы у каждого из вас было так же.

Он шагнул к бочке.

И залез в неё. По шею. Медленно. Не поморщившись.

Журналисты защёлкали камерами.

— Холод, — сказал Вадим из бочки. Ровно. Не стуча зубами. — Это не враг. Это ресурс. Холод включает в вас то, что тепло выключает. Мобилизацию. Энергию. Волю. — Пауза. — Тепло — расслабляет. Расслабление — это слабость. Слабость — это смерть.

Михеич рядом с Василисой тихо сказал:

— Тьфу.

— Сто двадцать два года, — продолжал Вадим. Из бочки. Лёд плавал вокруг его бритой головы. — Сто двадцать два года сызранские мужчины ходили сюда — расслабляться. Потеть. Пить пиво. — Он улыбнулся. — Я уважаю историю. Но история — это прошлое. А будущее начинается с

холода.

На экране за его спиной загорелась картинка. «Нирвана». Белая. Стеклянная. С бассейном на крыше.

— Здесь, — сказал Вадим, — где была парилка, — будет криокамера. Минус сто десять. Три минуты в день. Здесь, — картинка сменилась, — где была мыльная, — флоатинг. Капсулы с солёной водой. Сенсорная депривация. Полный контроль над телом. — Ещё картинка. — А на крыше — ледяные купели. С видом на Волгу.

— А пиво? — громко спросил Кузьмичёв.

Вадим посмотрел на него. Из бочки. Спокойно.

— Пива не будет, — сказал он. — Будет протеиновый бар. И матча.

Петух в корзинке у Гараева издал звук. Похожий на возмущение.

Пыжиков поднял руку.

— Это правда? — спросил он.

— Что именно?

— Что вы не болели десять лет. — Пыжиков смотрел на него внимательно. Как смотрел на всех с того дня, как перестал уметь врать. — Я спрашиваю, потому что сам не могу врать. Это моё наказание. И я теперь очень хорошо слышу, когда врут другие.

Вадим посмотрел на Пыжикова. Долго. Из бочки.

— Правда, — сказал он.

Пыжиков помолчал. Склонил голову.

— Правда, — согласился он. — Это правда. — Пауза. — А то, что вы спите четыре часа, — это неправда.

Вадим Стальнов улыбнулся. Ровно.

— Простите?

— Вы спите меньше, — сказал Пыжиков. — Гораздо. — Пауза. — Это у вас на лице. Я тридцать лет в мэрии сидел. Я знаю это лицо. Я с таким лицом три года ходил, когда меня проверяли.

Тишина.

Вадим вылез из бочки. Медленно. Вода стекала с него. Он не дрожал. Помощник — молодой парень в белом — подал полотенце. Вадим не взял.

— Спасибо за вопрос, — сказал он Пыжикову. Ровно. — Работы через час. Всех прошу — в сторону. За ленту.

Василиса повернула ручку настройки.

Она смотрела на Вадима Стальнова с самого начала. И с самого начала не понимала, что видит.

Нитки у него были.

Много. Аккуратные. Ровные. Натянутые. Как струны на гитаре. Как провода на столбах. К проектам. К деньгам. К инвесторам. К часам на запястье. К бочке. К людям в белых футболках.

И все — холодные.

Не серые. Не тусклые. Холодные. Голубоватые. Покрытые инеем. Как провода зимой.

Ни одной тёплой.

Ни одной.

Василиса видела людей без ниток — Виолетту Лёгкую. Видела людей с серыми нитками, с перекрученными, с оборванными. Но холодных — не видела никогда. Как будто человек сам — нарочно — заморозил всё, что к нему тянется. Каждую нитку. Аккуратно. Чтобы не болело.

Кроме одной.

Одна шла вниз. Не в землю. Не к Тише. Назад. В прошлое. Тонкая. Очень старая. И — Василиса присмотрелась — горячая. Раскалённая. Как проволока в каменке. Как будто, если до неё дотронуться, — обожжёшься.

И вся она была обмотана инеем. Слоями. Как изолентой.

Вадим прошёл мимо. Близко. Пахнуло холодом. И чем-то ещё — едва заметно — берёзой.

Василиса шагнула к нему.

— Вадим, — сказала она. — Можно вас на минуту?

Вадим остановился. Посмотрел на неё. Светлыми, почти белыми глазами.

— Вы — Василиса, — сказал он. — Ведьма. — Пауза. — Мне про вас говорили. В мэрии. Сказали — «будет мешать». — Он чуть улыбнулся. — Я уважаю фольклор. Но я не верю в магию. Я верю в физиологию.

— Я не про магию, — сказала Василиса. — Я про парилку.

— Слушаю.

— Там живёт… — Она остановилась. Как сказать человеку, который верит в физиологию? Своими словами. — Там

живёт память. Сто двадцать два года. Люди там плакали. После войны. После похорон. Мужчины — которые больше нигде не плачут. — Пауза. — Если сломать каменку — им будет негде.

Вадим слушал. Внимательно. Не перебивая. Как хорошо обученный менеджер слушает жалобу клиента.

— Плакать, — повторил он.

— Да.

— Василиса, — сказал Вадим. Мягко. Терпеливо. — Слёзы — это гормональная реакция. Выброс кортизола. Пролактина. Это — слабость. Сброс. Потеря ресурса. — Пауза. — В криокамере человек за три минуты получает больше, чем за три часа в парилке. Мобилизация. Ясность. Никаких слёз. — Ещё пауза. — Я не отнимаю у людей место, где плакать. Я даю им место, где плакать — не нужно.

— А если нужно?

Вадим посмотрел на неё. Долго. Светлыми глазами.

— Тогда это их выбор, — сказал он. — Но не за мой счёт. — Он посмотрел на часы. Часы пикнули. — Простите. Работы.

И пошёл к бытовке.

Босиком. По битому кафелю. Не глядя под ноги.

Василиса смотрела ему вслед. На горячую нитку, обмотанную инеем. Уходящую назад. В прошлое. В какой-то день. В какой-то год.

В какую-то баню.

— Пахнет от него, — сказал Модест в сумке. Тихо. — Ты почуяла?

— Берёзой.

— Берёзой, — согласился кот. — Старой. Вымоченной. — Пауза. — Он в бане был, Васёна. Когда-то. Давно. Много раз. — Ещё пауза. — Такой запах не смывается. Двести двадцать два года — я знаю. Я сам от Агафьиной бани до сих пор пахну. Хоть и не одобряю.

В десять пришли рабочие. Шесть человек. С отбойными молотками.

Встали у двери парилки.

Михеич встал перед ними.

Геннадий Петрович — рядом. В парадном кителе. С орденами.

Пыжиков — рядом. С папкой.

Кузьмичёв и Гараев — рядом. С петухом.

Пять стариков. Перед дверью парилки. Стоят.

Рабочие переглянулись.

— Отцы, — сказал старший. Усатый. Лет пятидесяти. — Отойдите. Нам работать.

— Не отойдём, — сказал Михеич.

— Мы полицию вызовем.

Егор, который стоял в трёх метрах и делал вид, что проходит мимо, — снял фуражку. Почесал вихор. Надел фуражку.

— Полиция тут, — сказал он. — Участковый Шмелёв. — Пауза. — Что у нас?

— Мешают работать, — сказал усатый. — Пять дедов.

Егор посмотрел на пять дедов. На Михеича с веником под мышкой. На Геннадия Петровича в орденах. На Пыжикова. На петуха.

— Вижу, — сказал он. — Пять дедов. Стоят. — Пауза. — Стоять — не запрещено.

— Они на частной территории!

— Да, — согласился Егор. — Это правда. — Он подумал. — Но я, понимаете, сейчас не уверен, что они стоят. Может, они в очереди. В парилку. — Пауза. — Последний раз. Ветераны. — Он посмотрел на усатого. — У вас отец в баню ходил?

Усатый открыл рот. Закрыл.

— Ходил, — сказал он. Неожиданно. — В эту. По субботам. — Пауза. — Меня брал. В восемьдесят девятом.

Он опустил отбойный молоток.

Посмотрел на дверь парилки. Почерневшую. На одной петле.

— Перекур, — сказал он своим. — Полчаса.

Рабочие сели на кучу кафеля. Закурили.

А Вадим Стальнов стоял в дверях бытовки. Смотрел на пятерых стариков у парилки. На участкового. На рабочих с сигаретами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.